

Пределы исторической реконструкции в школьном учебнике: две «реальности» Ледового побоища и Куликовской битвы

Аннотация. *Статья посвящена проблемам военно-исторической реконструкции Ледового побоища и Куликовской битвы. На основе летописных источников и историографии показана условность карт и описаний к ним в школьных учебниках истории, которые далеко не всегда отражают подлинное значение этих событий, а также полководческие таланты Александра Невского и Дмитрия Донского.*

Ключевые слова: *учебник, историческая реконструкция, военная история, военное искусство, Ледовое побоище, Куликовская битва, Александр Невский, Дмитрий Донской.*

Одним из самых интересных примеров презентизма — главной, кажется, школьной стратегии исторического образования — в современных учебниках является попытка реконструкции Ледового побоища 1242 г. и Куликовской битвы 1380 г. Авторы учебника «История России. 6 класс» исходят из легендарного упоминания «свиньи» в летописи — построения рыцарей клином. В их изложении битва предстаёт в таком виде: «Когда немецкое войско вступило на лёд и ударило по стоявшим в центре ополченцам, те стали с боем отходить. Рыцари, считая сражение выигранным, устремились вперёд. Но русские воины по сигналу Александра бросились справа и слева на малоповоротливую рыцарскую колонну... Во главе суздальской дружины сражался сам Александр. Мужественно бились русские воины, их нажим на свинью всё более усиливался и закончился полным разгромом немецкого войска»¹.

Максаков Владимир Валерьевич — старший преподаватель МПГУ, учитель ЧОУ «Хорошкола».

¹ Арсентьев В. М., Данилов А. А., Стефанович П. С., Токарева А. Я. История России. 6 класс. М., 2016. С. 24.

Эта реконструкция вызывает в лучшем случае недоумение. Кто такие «ополченцы», которые стоят в центре русского войска, и как могут они одновременно сражаться и отходить? Совершенно неясно, что помешало рыцарям развернуть крылья клина вперёд, навстречу русским дружинникам — это первый манёвр при таком боевом порядке после собственно атаки. Наконец, почему Александр возглавляет суздальскую (а не новгородскую) дружину, тоже непонятно — а главное, не известен источник, где были бы указания на этот факт.

Между тем, летописное известие неоднозначно: «немцы же и чудь пробишася свиньею сквозь полкы». Здесь возможно прочтение «свиньи» не как боевого строя, а как метафоры: враг, как свинья, прогрыз строй русских. Не лучше ли было дать в учебнике эту цитату из летописи, чтобы ученик сам мог сделать и обосновать выводы о том, чем же была рыцарская «свинья»? Но даже если исходить из того, что «свинья» — это всего-навсего клин, то вопросы к авторам учебника только множатся.

Цель построения конницы клином — прорыв фронта тяжёлой пехоты². Существенным его недостатком была уязвимость во время сближения с противником, так как на острый угол могли обрушиться стрелы и копьё. Чтобы сократить потери, рыцари, становившиеся на острие клина, должны были иметь самое тяжёлое вооружение, а также и перемещаться как можно быстрее. Риск потерь уравновешивался главным достоинством такого строя: он позволял прорвать фронт на узком участке, после чего крылья клина смещались вперёд, отесняя части разрезанного построения вправо и влево. Отметим, что не реже, если не чаще, встречалось построение рыцарей «лавой», не требовавшее умения держаться клином³. Ещё одним уязвимым местом предложенной концепции Ледового побоища является противоречие изложений в учебниках по отечественной и всеобщей истории. В последней, изучаемой также в 6 классе, упо-

² Марков М. И. История конницы. Ч. 2. Тверь, 1886. С. 72; Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 2. СПб., 1994. С. 37.

³ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 3. СПб., 1996. С. 163–173.

минается «копьё» как основа рыцарского строя, но уже в истории России появляется известная «свинья».

Авторы учебника почему-то отказались от важной методической задачи — объяснения предложенной реконструкции битвы, достоинств и недостатков построения тевтонского и русского войск. Думается, при таком подходе ученик не поймёт, в чём же состояло военное искусство Александра Невского.

Но реконструкция на основе презентизма имеет, к сожалению, и очевидные ошибки. Первая из них — это известная схема в учебнике, на которой внутри клина располагается пехота — кнехты — которые должны были двигаться вместе с конницей. При этом само построение представлено в виде прямоугольника по аналогии с другими масштабными геометрическими боевыми порядками⁴. Но этот строй был нецелесообразен: кроме его сложности, при движении замыкающая строй конница растоптала бы пехоту.

Наконец, самый главный вопрос вызывает реконструкция выдающегося манёвра Александра Невского. Отечественный военный историк Е. А. Разин, в отличие от многих других, имел мужество справедливо отметить, что нам ничего не известно о построении русской рати: «Александр выстроил новгородское войско, о боевом порядке которого нет данных»⁵. Это крайне усложняет попытку представить действия Александра — очевидно, уступив в факторе пространства, он взял своё в факторе времени. Его победа на флангах (фланге?) и удар засадным полком напоминают окружение Ганнибала при Каннах, причём на тактическом уровне. Излишне говорить, что в источниках нет ни единого упоминания о подобном манёвре — а соответствующий отрывок из «Рифмованной хроники» («*Те, которые находились в войске братьев-рыцарей, были окружены*» или, в переводе Е. А. Разина, «*Войско братьев было окружено*») вряд ли может быть прочитан буквально хотя бы потому, что речь идёт не о самих братьях-рыцарях Тевтонского ордена, но,

⁴ Арсентьев В.М., Данилов А.А., Стефанович П.С., Токарева А.Я. Указ. соч. С. 23; Критика «геометрических» боевых порядков: Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 292–299.

⁵ Разин Е.А. История военного искусства. М.; СПб., 1999. С. 160.

судя по всему, об их кнехтах, «войске». За тысячелетие, прошедшее со времен Канн (216 г. до н.э.), тактическое окружение был повторено только единожды — Халидом ибн аль-Валидом в битве при ал-Валадже в 633 г.

Взять врага в кольцо не являлось целью битв на уничтожение в Древней Руси — это было просто контрпродуктивно в условиях постоянных столкновений со степняками, избегавшими окружения без особых трудностей. Кроме того, таких битв избегали даже монголо-татары, что объясняется очень просто: гораздо легче окружать пехоту, стоящую компактной массой (как римляне при Каннах), чем постоянно находящуюся в движении конницу, господствовавшую в степях. То же самое относится и к битвам с тевтонскими рыцарями — ни в одной из них, начиная с Саулской (Шауляйской) (1236 г.) и кончая Грюнвальдской (1410 г.), окружения не было.

Реконструкция учебников Ледового побоища вызывает, по крайней мере, ещё такие вопросы. «Свинья» представляется авторам вытянутым прямоугольником, одна из узких сторон которого и превращается в клин для атаки. Но тут есть очевидное противоречие: если «свинья» упёрлась в Вороний камень (то есть, иными словами, так и не смогла до конца разорвать строй русских — собственно, этот момент очень ярко показан в «Александре Невском» Сергея Эйзенштейна), то построение остальных рыцарей и кнехтов продолжало оставаться прежним — следовательно, для нанесения удара с тыла княжеская дружина Александра должна была проскакать вдоль длинной стороны прямоугольника, но этот манёвр был совершенно лишним и к тому же опасным. (Кстати, только гипотеза о том, что рыцари всё-таки прорвали «полчный ряд» и упёрлись в Вороний камень и берег за ним, сообщает какой-то смысл словам из «Рифмованной хроники» о «траве, на которую падали павшие»).

Ещё одна проблема двойного охвата с флангов — вторая «клевшня». Устоялся взгляд о личном участии Александра Невского в битве на Чудском озере во главе княжеской дружины, нанёсшей решающий удар — остановимся на нём и мы (дружина могла пойти в бой только за своим князем, начиная ещё со времён Святослава) — но в связи с этим возникает вопрос о том, кто же возглавлял остальную часть русского войска? И прежде всего, если верить план-схеме

учебника, вторую «клевню»? Можно предположить, что Ледовое побоище было не таким уж масштабным сражением (к этому выводу пришёл Игорь Данилевский, первый из современных критиков привычного нам представления об Александре Невском⁶) — в таком случае сам князь мог как-то повлиять на события, происходившие на другом конце битвы. Если же верить источникам и считать битву на Чудском озере одной из решающих, то непонятно, как удалось Александру Невскому нанести удар одновременно с обоих флангов (в отличие от Куликовской битвы, летописи не сохранили для нас имена других участников Ледового побоища).

Реконструкция Е. А. Разина, лёгшая в основу концепции битвы в школьном учебнике, также содержит противоречия. Начнём с уже встретившегося утверждения о двойном фланговом охвате: «Немецкий “клин” оказался зажатым в клещи»⁷. Это важное уточнение: историк здесь, кажется, смешивает клиновидное построение и его ударную часть — собственно «клин». Но продолжение вообще озадачивает: «Воины, которые имели специальные копыя с крючками, стаскивали воинов с коней, воины, вооружённые ножами “засаживали”, выводили из строя лошадей, после чего рыцари становились лёгкой добычей». Здесь уж поневоле задаёшься вопросом, о ком идёт речь: о плохо вооружённых ополченцах, вчерашних мирных жителях Новгорода — или об этаким спецназе XIII в., предназначенном для борьбы с тяжёлой кавалерией? В первом случае очевидно, что русскому «полчному ряду» не удалось справиться с рыцарями, почему они и смогли отступить.

Отметим, что полные окружения на поле боя — и при Каннах, и при ал-Валадже — осуществляла всё-таки кавалерия (что понятно — требовалось преодолеть слишком большие пространства, чтобы выйти противнику в тыл), но у нас нет даже косвенных свидетельств о преобладании конницы в русских землях в XIII в. Это объясняется историко-культурными причинами: оседлая сельскохозяйственная культура нуждается в лошадях прежде всего

⁶ Данилевский И. Н. Ледовое побоище — смена образа // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 28–40.

⁷ Разин Е. А. Указ. соч. С. 160.

в экономической жизни — в отличие от кочевых культур, которые могут позволить себе создавать огромные конные войска в десятки тысяч человек (начиная от гуннского и кончая монгольским). Кажется, единственным постоянным конным соединением продолжала оставаться княжеская дружина, но её численность была в пределах нескольких сотен человек⁸.

Русские могли ограничиться одним сокрушительным ударом, нанесённым княжеской дружиной в левый, открытый, фланг построения рыцарей — и после этого начать преследование, что было бы невозможно в случае двойного флангового охвата и, тем паче, окружения. Упомянутое в летописи расстояние, на которое гнали потерпевших поражение рыцарей — семь вёрст — говорит о преимущественно конном русском войске, взломавшем с фланга рыцарский строй и бросившемся в погоню. Вместе с тем, семь вёрст — не такое уж большое расстояние, что косвенно свидетельствует о крайней усталости победителей после ожесточенного боя.

Мы не разделяем «гиперкритической» точки зрения, которая ставит под сомнение даже численность погибших, указанную в историческом источнике (а тем самым и его правдивость). В отличие от численности войск в начале битвы, источники гораздо ближе к устраивающей историков оценке в исчислении потерь (на эту закономерность обратил внимание ещё Филипп Контамин⁹). Известная летописная цифра погибших в Ледовом побоище — «немецъ 400» — может читаться как указание на всех иностранных воинов, носивших доспехи, и рыцарей, и кнехтов. Так или иначе, важным представляется исходить из того, что названные в летописях цифры могут отражать реальные масштабы битвы — и уж в таком случае Ледовое побоище никак не было рядовым столкновением на беспокойной границе.

Величие победы на льду Чудского озера как раз в том и состоит, что она была одержана над врагом, технически и тактически

⁸ См. общие работы: *Киртичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976; *Амельченко В. В.* Древнерусские рати. М., 2004; *Перхавко В. Б., Сухарев Ю. В.* Воители Руси IX–XIII вв. М., 2006.

⁹ *Контамин Ф.* Война в Средние века. СПб., 2001. С. 40–42.

превосходившим русские войска. Александр Невский блестяще реализовал тактику сокрушения, разгромив противника в быстрой и решительной битве. На наш взгляд, гораздо корректнее сравнивать Ледовое побоище с битвой при Куртре 1302 г., где городское ополчение фламандцев одолело французских рыцарей, чем с Раковорской битвой 1268 г., где с тевтонскими рыцарями сражались противники их уровня — тяжеловооружённые всадники Литовского княжества.

Проведённая нами критика историографии и учебника показывает, что реконструкция Ледового побоища требует гораздо большей тщательности и — не побоимся этих слов — бережного отношения к источникам.

Гораздо более обоснованно выглядит в учебнике реконструкция Куликовской битвы. При обращении к схемам бросается в глаза разделение русской рати на полки — оно взято напрямую из летописных сообщений о «полчном ряде». На вопрос о количестве полков — большой, обеих «рук», передовой, сторожевой, да ещё и засадный — ответ историков прост: Куликовская битва была самым масштабным сражением русских с монголо-татарами, следовательно, и полки в ней были все, какие только известны по летописям (пример такой методики дал А. А. Горский)¹⁰. Построение в глубину говорит о трудности развернуть линию фронта в ширину, а также о важном изменении в тактике: по этой схеме складывается впечатление, что русским надо было как можно дольше сдерживать монголо-татар до столкновения с главными силами. Некоторые исследователи видят в этом оригинальную тактическую идею Дмитрия Ивановича. И здесь есть, кажется, зерно истины, ведь столкновение с монголо-татарами было так же опасно, как и прежде, и их надо было как можно дольше задержать (а в лучшем случае и вообще удержать) перед главными силами большого полка, одновременно игравшими роль резерва по отношению к двум первым полкам. Ключевой остается проблема засадного полка. Русские летописи при отсутствии специальной военной терминологии практически невозможно прочитывать под углом военной истории. Известия

¹⁰ Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 99–101.

о наличии засад до Куликовской битвы остаются сомнительными. Логика историков, реконструировавших ход Куликовской битвы, была такова: невозможно понять, как русская рать смогла победить монголо-татар, не прибегая к наличию засадного полка. Между тем, в летописях о его ударе говорится весьма смутно. Паче того: из текста возникает стойкое впечатление, что битва решилась «перемогой», что это было чудовищное фронтальное столкновение, классическое сражение на измор, в котором русские оказались сильнее. И здесь кажется важным ещё раз отметить, что уже построение эшелонами вводило идею резерва — каждый следующий полк был больше предыдущего — и в особом засадном полке надобности уже не было. Правда, при этом не совсем ясно, как отходили сторожевой и передовой полки, хотя тексты летописей свидетельствуют о том, что два первые полка могли быть смяты и отброшены — сначала один на другой, а потом и на большой, что и создало критический момент сражения.

Что же касается засадного полка, то его историческая родословная также крайне интересна. Дело в том, что само понятие «засады» подразумевает наличие такого плана на битву, когда в определённый момент в дело может вступить не резерв (русский «запасный полк»), а какая-то часть войска, воспользовавшись выгодным положением, нанесёт удар. Иными словами, при всей схожести засадного и запасного полков, их функции всё-таки различаются: в отличие от второго, первый может участвовать в битве на любом этапе — важно только создать такую позицию, где засада была бы возможна. Кажется, такое представление об исторической реконструкции Куликовской битвы адекватнее отражает исторические источники, где постоянно подчёркивается её характер — на измор, а не на сокрушение. Засадный полк в таком случае вполне может быть «уступом», который просто не с самого начала вступил в бой. И уж ничем не обосновано введение некоего «резерва» (не засадного полка!) на схеме Куликовской битвы, предложенной в учебнике¹¹ — это домысел, граничащий с вымыслом.

¹¹ *Арсентьев В. М., Данилов А. А., Стефанович П. С., Токарева А. Я.* Указ. соч. С. 53.

В том, что русские всё-таки «перемогли» монголо-татар, нет ничего удивительного: в продолжительном столкновении, как правило, побеждают те войска, которые вооружены тяжелее. Наш вывод прост: существующая схема Куликовской битвы, предложенная впервые историком-любителем Иваном Фёдоровичем Афремовым¹² и без всякой критики растиражированная на протяжении 150 лет в миллионах учебников, излишне теоретична, и если и отражает действительный ход событий, то по чистой случайности.

Авторы учебника почему-то не предлагают исторического контекста Куликовской битвы, между тем как простое включение ещё нескольких исторических фактов позволяет понять поистине мировой масштаб русской победы. Дело в том, что вышедшие на Куликово поле монголо-татарские войска были существенно ослаблены «великой замаятней» в Золотой Орде (что позволило Тохтамышу, собрав собственно ордынские силы, одержать верх над Мамаем). В свою очередь, опустошительное нашествие Тохтамыша на Москву в 1382 г. могло преследовать целью уничтожение той экономической базы, которая и позволила Дмитрию Донскому собрать и вооружить огромное войско. Но силы Орды были подорваны до такой степени, что она уже не смогла оказать существенного сопротивления Тимуру.

Ещё одним важным расширением контекста стало бы сравнение Куликовской битвы с другими битвами русских с монголо-татарами. Почему, к примеру, первой победой, одержанной над золотоордынцами, стала Бортеневская битва, вообще не упоминаемая в учебнике? Что же должно было случиться, чтобы московские рати, не самые сильные на протяжении всей первой половины XIV в., вдруг нанесли сокрушительное поражение монголо-татарам? Без ответов на эти вопросы непонятно, каким образом Дмитрий Донской смог победить на Куликовом поле — и значимость великой битвы становится неочевидна. В конце концов, для школьников не ясно, в чём состоит величие Александра Невского и Дмитрия Донского как полководцев.

¹² *Афремов И. Ф.* Куликовская битва // Тульские губернские ведомости. 1844. № 1–3, 9.

Между тем, даже с помощью одного понятия можно существенно усложнить нарисованную картину и показать, что нового сделал Дмитрий Донской. В отличие от своих предшественников, он предложил совершенно новую стратегию, расширив до предела «ментальный горизонт эпохи» (термин Ю. Л. Троицкого), подразумевающий господствующие способы мышления и воображения.

Большинство историков, писавших о Куликовской битве, сходились на том, что это было одним из важнейших событий в русской истории, но, кажется, почти никто не попытался понять, что же отличает это великое противостояние на берегах Дона от множества других битв русских с монголо-татарами. Прежде всего, Дмитрий Иванович собирает общерусскую рать в поход на земли врага — никогда до этого (и крайне редко после) русские князья не решались идти на Орду в степь. Подчеркнём, что это означало не только объявление войны могущественному и жестокому противнику, но ещё и разрыв в ментальном горизонте эпохи, согласно которому князь не должен был воевать за пределами своего княжества (этим, кстати, объясняли многие князья своё отсутствие на берегах реки Сити в роковой день 4 марта 1238 г.). Дмитрий же не только вторгается на земли врага, но и покидает пределы и своего удельного — Московского — и великого — Владимирского — княжества. Как уже было сказано, он собрал практически общерусскую рать — едва ли не первую за полтора столетия (!). Он вновь оказался выше ментальных построений современников, для которых сама идея равноправного союзничества была ещё новой (неслучайно избегал заключения союзов Иван Калита, дед Дмитрия Донского, предпочитая действовать самостоятельно и при всяком удобном случае подчёркивая верховенство Москвы). Дмитрий порывает с этой практикой — в его войске равны представители всех княжеств, следовательно, в известном смысле это действительно русские воины, далёкий, но верный прообраз национальной армии.